

В. П. Пустовит
ВОСХОЖДЕНИЕ НА «ВЕРШИНУ ВОЛЬНОСТИ»
К 75-летию В. И. Науменкова

25 апреля 1995 г. «Камчатская правда» напечатала некролог, который начинался словами: «Биографию поэта хранят его стихи...» Текст был уважительным, даже, можно сказать, дружелюбным и ...чуть-чуть извиняющимся. «Биография поэта не вмещается в обычные житейские рамки, так же, как нестандартен, неудобен характер творческого человека. <...> Наверное, это плата за щемящие поэтические строки, которые он нам оставил». Писатель Виктор Шалатонов в статье «Опускается белая мгла на мою золотую долину...» (газета «Вечёрка», 19 мая 1995) проясняет то, что закамуфлировано в некрологе камчатправдистов. «В который раз повторилось: ушёл из жизни талантливый поэт, ушёл, отвергнутый временем и миром. Вершиной его признания стали речи у открытого гроба (большей частью лицемерные), где он лежал неузнаваемый, но как-то по особому просветлённый, словно освободившийся от мучительных мыслей о нас, от этой странной и бездушной жизни. Весёлыми никакие похороны не бывают, но столь тягостных, с чувством вины в сердцах стоящих у гроба, я, пожалуй, не встречал. <...> Это к тому, что нет, не жалует наше общество поэтов, особенно живых. Поэт – всегда инородное тело, заглянуть в его душу, как правило, недосуг людям будней...»

Мир праху твоему, Виктор! Ты первый написал о Владимире Ивановиче Науменкове (1.09.1937–23.04.1995) и его творчестве – написал с болью и пониманием всей трагедийности окружающей нас реальности, будто предвидя собственный скорый уход и спеша высказать главное: «Владимир Науменков был русским человеком, а русский человек, убегая от себя, от невыносимой тоски серятины и рутины, непременно обращается к чарке. Приходилось мне пару-тройку раз составить поэту компанию. С ним было тяжело. Тяжело потому, что в нём начинал говорить и буйствовать юношеский максимализм, под хмельком не контролируемый разумом и опытом, поскольку он всем своим существом жаждал, чтобы мир вокруг него был чист и праведен, чтобы люди были добры, умны и милосердны, честны, правдивы, но, не видя всего этого, он начинал злиться. То, что билось в нём с детства – всепоглощающая любовь к Руси – о которой он в молодых

стихах говорил потаённо и ненавязчиво <...> теперь он, уставший донельзя, уже больной и наверняка сознававший, что дни его сочтены, говорил громко, а то и кричал: “Вы погубили Россию!”»

Шалатонов, как настоящий писатель, в статье о Науменкове не щадит и себя самого: «И я получал от него такие “пильюли”, и я злился на несправедливость его слов. А вот теперь мне кажется, что он был прав: ведь это мы, лицемеря по крохам, приспосабливаясь, прищемив чуть-чуть свою совесть, в конечном счёте довели Россию до её нынешнего плачевного состояния. Он старался в своих стихах пробудить у нас любовь к Руси. И в том, что его не поняли, не приняли – не его вина».

Менее чем за месяц до этого в «Слове о Владимире Науменкове» та же местная газета писала, как сложен он был как человек и как поэт. «Противоречивы могут быть о нём суждения и мнения. Но чётко и определённо следует сказать, что человек и поэт он был незаурядный. Его стихи и поэмы, в которых буквально кровоточила боль о погибающей Руси, России, – вовсе не провинциальная поэзия, ибо они столь же пронзительны, как стихи Есенина, Рубцова...»

Накануне 40 дней мы с прозаиком В. Лимом, не отойдя ещё от утраты, опубликовали в газете «Вести» целую страницу стихов нашего друга («Николай Рубцов», «Наша встреча, как сумрак лесной...», «Барьер времени», «Золотые распадки», «А оно такое же, с тоскою...», «Соберутся вдовушки...», «Зерцало», «Кораль») без каких-либо комментариев.

40 дней отмечались в областном Доме писателей 2 июня. Там я впервые высказал мысль об издании книги, которая бы дала наиболее полное представление о творчестве В. Науменкова. Режиссёр ТЮЗа Евгений Егоров подметил три совпадения, как знамения: Поэт умер на Пасху, на 9 дней был Родительский день, а на 40 – Вознесение. Драматург Виктор Кудлин огласил малоизвестное произведение В. Науменкова «Одноплечий». Писатель и издатель Евгений Гропянов объяснил, почему Владимир так и не написал повесть «Ватерлиния», над которой много работал: поэт в нём переборол прозаика. Да, это так: некоторые «заготовки» увидели свет в сборнике «У этих каменных берёз» в виде стихотворений «Старому нужен боцман» и «Пускай уедем в край любой...»; последнее стало песней. Выступление Сергея Боровкова, в сущности, сводилось к следующему: разные статьи, заметки – всё, что мы пишем, в итоге забудется, а поэзия Науменкова будет жить. Отвечая на вопрос, почему Поэта не приняли в СП, руководитель камчатской писательской организации Николай Васильевич Санеев заявил, что он советовал ему согласиться на рассмотрение в Москве «по второму кругу», для этого надо было лишь присовокупить к двум своим книгам цикл новых стихов, но В. Науменков отказался.

13 сентября 1995 г. читатели «Вестей» познакомились с первыми воспоминаниями о Науменкове. Ими поделился прозаик курянин Борис Агеев, живший некоторое время на Камчатке. Он постарался передать речь Поэта в заинтересованном разговоре с автором – речь со всеми её оттенками и особенностями. Разговор касался литературы, но не только её. «Меня поразил в своей простоте, – пишет Агеев, – вопрос о том, плохой ли ты сам человек или хороший. По своей скрытой сути он был о самом важном в человеческой жизни – о счастье. Посреди повсеместного страдания твоё тихое личное счастье неприлично, и его необходимо стыдиться».

«Но разве я плох, – спрашивает себя автор, – разве я, русский, против русского народа? Неужели этого не видно? Однако дальше в рассуждении обрывалась пропасть: если ты сам хороши и не против народа, давшего тебе свою кровь и язык, тогда почему ты молчишь или лжёшь о его страданиях? Этот твой вопрос теперь всегда со мной, он засел в сердце занозой...»

Писателю-земляку запомнился науменковский монолог: «У тебя такое бывало, что посмотрел ты вокруг, подумал о жизни, и у тебя сердце закипело? Напиши о том, как человек живёт и о чём он думает. Это просто, если не врать. <...> Понимаешь, художник несёт свет. У Толстого светлый свет, хотя – правильно – он от плоти шёл. У него так получилось, объективно. <...> Свет – это Гоголь. Он мне правду сказал о человеке. <...> Речь о том, каким человечеству быть. То ли таким, каким его нечистая сила готовит <...> то ли таким, чтобы правильно жил. Вот где Сталинград прошёл. Вот из-за чего нашу с тобой родину черепами усеяли. Вот что меня волнует».

Газета «Тройка» напечатала один из поздних снимков Поэта, сопроводив его следующим: «23 октября 1995 года исполнилось полгода со дня смерти поэта и журналиста Владимира Ивановича Науменкова, Человека с большой буквы. Владимир Иванович запомнился нам, молодым журналистам, как честный и в высшей степени порядочный человек. Как патриот своей родины, своей России, он глубоко переживал ныне происходящее, с горечью отзывался об утрате русскими людьми духовности. Эмоционально отзываясь об “американизации” Москвы, Владимир Иванович сказал фразу, ставшую впоследствии крылатой: “В Москве все педерасты, за

исключением двух – бронзовых Минина и Пожарского!” Ему нелегко было со своей неудобной, угловатой правдой. Но он шёл по выбранному пути, не сворачивая. И когда его не стало, остались стихи. Прекрасные и чистые, полные безграничной любви к Земле, по которой теперь ходить нам».

Весной 1996 г. я понял, что сподручнее будет готовить книгу сочинений В. И. Науменкова, организовав комиссию по его литературному наследию. Но такие комиссии создавались при Союзе писателей, а Поэт в нём не состоял. И всё же мы нашли выход. Евгений Гропянов и Камчатское отделение Литфонда России. Эта идея была хороша ещё и тем, что комиссия приобретала официальный статус и в то же время ни от кого не зависела. Гропянов предложил мне как самому близкому к Науменкову человека стать её председателем. Но я отказался в его пользу, поскольку считал: начальником её должен непременно член СП. Я согласился на секретаря, выполняющего всю текущую работу. О чём, между прочим, как бы трудно ни приходилось, ни разу не пожалел. В комиссию вошли также Борис Агеев, Владимир Лим, московская дочь Науменкова Ирина Владимировна, директор издательства «Камчатка», сосед Поэта по лестничной клетке Михаил Федоренко, гражданская жена Поэта искусствовед Маргарита Ивановна Белова. Мы обратились ко всем, у кого есть материалы, связанные с литературной деятельностью В. Науменкова, с просьбой передать их нам.

«У меня не было в жизни другого такого человека, чтобы я делился с ним буквально всем, что на душе, – писал я в “Камчатской правде” 19 апреля 1996 года, – хотя бывало всякое: и споры, и размолвки. Когда хоронили его, я был за тысячи километров от Камчатки. Я не видел Володю мёртвым, и поэтому ни снимки, ни видеокассета не могут убедить меня, что его нет в живых. Нет, умом я всё как будто понимаю. Ведь ходил все эти два месяца к нему в больницу, разговаривал с ним – правда, в последние недели он больше молчал, а если изъяснялся, то однозначно, шёпотом: болезнь поразила лёгкие. Поначалу он с нею боролся, так, во всяком случае, казалось не только мне. Он сурово смотрел на нас всех, без исключения, наблюдая за каждым движением посетителя, особенно за выражением глаз – пытался, наверное, уловить в них хотя бы малейшую надежду.

Однажды, войдя в палату, я вздрогнул: его взгляд потух. Говорили, что он случайно подслушал разговор медсестёр – свой диагноз. Это же какая страшная мука – всё сознавать, чувствовать, как жизнь неумолимо выходит из тебя, как слабеешь и слабеешь телом и ослабел уже до того, что без посторонней помощи и приподняться нельзя в койке, и протягиваешь руку. А навещающие думают, что она для пожатия. Не приведи Господь, <...> Тем более, что Володю я знал с молодости крепкого, подвижного. Незадолго до 23 апреля 1995 г. он сказал, что за время пребывания на пенсии (12 месяцев) он обсмотрел весь «шарик», и теперь ему умирать не страшно.

В словах этих какая-то глухая тоскливая тайна. Ничего, получается, не держало его больше на Земле. В своих долгих мучительных раздумьях сутками не выходя из дома, он понял что-то такое, что предстоит далеко не каждому, о чём многие даже и подумать боятся.

22 апреля я шёл из больницы от Володи с предчувствием, что больше не увижу его. Светило солнце. Вокруг бушевала весна, люди несли мандарины (Володя съел одну дольку, больше не стал), то здесь, то там валялись корки от них. Мы с Володей познакомились тоже в апреле, 31 год назад.

Старого друга понимаешь не с полуслова даже – с полумысли. Начнём вдвоём вспоминать о чём-либо далёком-далёком, в памяти возникают события, люди, они цепляются одно за другое, вроде бы совсем разные – непонятно, как очутились рядом, ниточка воспоминаний тянется дальше, пока не вспыхнет – не озарит что-то такое, от чего на душе радостно и щемяще. Торопишься поделиться с другом и не успеваешь – он опережает тебя!

В такие минуты Володя вздыхал: «Помру, Валюха, скучно тебе будет». И – улыбался. Эта улыбка у меня в глазах по сей день. Вот уже год, как я один на белом свете».

Ежемесячное приложение к «Вестям» от 23 апреля 1996 г. состояло наполовину из науменковских писем ко мне вперемежку со стихами. Макетировал разворот литератор К. Ценя и, уважая его опыт газетчика и чтобы не омрачать память о Володе, я особенно не ершился, мы достигли «консенсуса», хотя я тогда ещё не мог простить ему, что он не однажды обижал Поэта, пользуясь своим положением начальника. Но, в общем, разворотом я остался доволен. Так был дан старт подъёма на «Вершину Вольности» поэзии Владимира Науменкова. В основном это делала газета «Вести» под влиянием заместителя редактора В. Лима.

К 1 сентября 1996-го – 59-годовщине со дня рождения В. Науменкова – мы с М. Федоренко расшифровали со старых магнитофонных постоянно рвущихся бабинных лент и предложили «Вестям», и те напечатали (31 августа) два не известных ранее стихотворения «Хочу, друзья, пред вами исповедаться...» и «Опять дурит Рождественский...», относящихся к 1960-м гг.

10–12 апреля 1997 г. «Вести», «Камчатская правда» и «Тройка» поместили открытое письмо деятелей культуры Камчатки к градоначальнику Петропавловска с предложением назвать площадь у Дома печати между 6 и 7-м км Елизовского шоссе именем Поэта, наивно полагая, что эта публикация равна официальной бумаге. Подписанты ответа не дождались.

23 апреля на первой полосе «Вестей» появился большой портрет В. Науменкова, а на развороте «Люблю и славлю эту землю» – статьи литератора Геннадия Струначёва-Отрока и профессора Камчатского пединститута, кандидата филологических наук Галины Григорьевны Кравченко.

«Биография Родины словно слилась с его биографией, – писала она о Поэте, – а стержнем характера во многом стала Великая Отечественная, Курская битва. В разговорах о ней я чувствовала особый психологический настрой, сотканный из гордости и не отпускающей боли. <...> Володя умел ощущать связь времён, умел воспитывать человека не только радостью, но и бедой, болью».

В «Камчатскую правду» я отдал стихи «Памяти отца» и «У этих каменных берёз»; те и другие входят в число лучших. 24 апреля газета «Камчатское время» порадовала любителей поэзии ещё одним неизвестным произведением Науменкова, снятым с магнитной ленты. Оно не имело названия. Я осмелился озаглавить его в духе автора «У голубого мола» и написал, что оно – загадочное и как бы выпадает из лирического цикла флотского периода творчества Науменкова. Вдобавок, мы не знаем и уже никогда, видимо, не узнаем, кому посвятил поэт такие нежные душевные строки. По неизвестным причинам, скорее всего, сугубо личным, Владимир воздерживался от публикации этого стихотворения...

Курские писатели (а точнее, Б. Агеев) в те апрельские дни 1997 г. нашли возможность представить творчество земляка на страницах «Порубежья» – журнального приложения к межрегиональной газете «Славянка».

26 апреля 1997 г. газета «Вести» информировала читателей, что в день второй годовщины ухода Поэта из жизни на его могиле побывали писатели, журналисты, друзья поэта. «Они помянули Владимира Ивановича добрым словом, говорили о творчестве земляка, читали стихи, не вошедшие ни в одну прижизненную книгу Науменкова. Там, на городском кладбище, вновь прозвучал горький вопрос (без ответа): «Почему настоящее признание у нас Поэт получает только после смерти?»» 25 апреля 1997 г. В. Шалатонов в газете «Рыбак Камчатки» предпослав давним стихам о капитане МРС («Он не старый, может, чуть седой...») тёплое вступление...

За несколько дней до 60-летия В. Науменкова в «Вестях» появилась заметка драматурга В. Кудлина, снимок Поэта 1973 г. с младенцем на руках (дочерью Олей) и неопубликованное стихотворение «Тетрадки в линейку и клеточку...», посвящённое преподавателю музыкализа Валерию Кравченко; стихотворение датировано 20 сентября 1970 г.

28 августа 1997 г. сразу четыре камчатских печатных издания отклинулись на приближающийся юбилей Поэта: «Петропавловск», «Камчатское время», «Вечёрка», «Рыбак Камчатки». В «Петропавловске» можно было прочесть: «Будучи журналистом (гражданским уже, после 1967. – В. П.), В. Науменков постоянно чувствовал недоверие к себе со стороны власти предержащих, которое нередко оборачивалось незаслуженными обидами и унижениями. ...Работником Владимир Иванович был добросовестным, однако принципиальным, даже строптивым. За что, против своего желания, оказался на пенсии. Болезнь добила его». С четвёртой страницы «Камчатского времени» смотрел грустно улыбающийся Поэт с букетом полевых цветов. В заметке «Иваныч» говорилось: «Жизнь поэта – маленькая вселенная. Как правило, после смерти по-иному относятся к человеку, его творчеству. После смерти маленькая вселенная разрастается до гигантских размеров».

29 августа «Новая Камчатская правда» отвела юбиляру целиком страницу: три стихотворения («Ощущение тундры», «Уходит катер, и пора...», «У бухты»), большое интервью с секретарём комиссии по литературному наследию «Ненайденная рукопись»; имелись в виду историко-политические стихи, за которые автора исключили из партии и уволили в запас без выходного пособия. На одной из фотографий 1965 г. были запечатлены мы втроём в посёлке подводников Лахтажном: старший лейтенант ВМФ Владимир Науменков, матрёсский поэт Лев Янченков и я, студент 3-го курса КГПИ.

Но настоящим подарком почитателям таланта Поэта явился субботний выпуск «Вестей» за 30 августа. На первой странице, над «титулом», стояло: «1 сентября 1997 г. нашему земляку русскому поэту Владимиру Науменкову исполнилось бы 60 лет. О его жизни и творчестве читайте на 3–6 страницах». А ниже, на одной линии с названием газеты (у органа ЦК КПСС газеты «Правда» там красовалась голова Ленина) был помещён портрет Поэта. Почти половину третьей полосы

занимал снимок В. Науменкова, «оакаемлённый» упомянутым выше письмом деятелей культуры и стихами о Камчатке «Люблю и славлю эту землю...» На 4–5-й, богато иллюстрированных, страницах, а точнее развороте, располагались «Вехи жизни и творчества» и произведения разных лет («Памяти отца», «Соберутся вдовушки...», «Косари, косари, луг и травы далече...», «Голубые покосы», «А оно такое же, с тоскою...», «Соловейня», «Километры тёмных глубин», «Северный привал», «Барьер времени», «Наша встреча, как сумрак лесной...», «У этих каменных берёз»). Поражал своей величиной и лаконичностью заголовок: «РУССКИЙ ПОЭТ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ НАУМЕНКОВ (1937–1995)». По сути, готовый плакат. Редактор газеты Искандер Хакимов даже собирался выпустить таковой довольно-таки приличным тиражом в цвете и на хорошей бумаге. Шестая полоса, озаглавленная «...И прошлым лицо озарится!», давала представление о творчестве Поэта, связанном с далёким прошлым нашего Отечества: поэма «Копьё и посох Пересвета», «Герои и антигерои исторических произведений Владимира Науменкова» (снимки Кутузова, Рылеева, Завойко, Жукова, Сталина), где впервые демонстрировались также Иван Грозный и Малюта Скуратов, нарисованные рукой Поэта. Подпись к каждому портрету служили соответствующие стихотворные строки.

В тот же день газета для семейного чтения «Частная жизнь» напечатала не появлявшиеся до этого в печати стихи «Туманное» – с неким эротическим уклоном, но чрезвычайно актуальные в гарнизонной среде по сей день, несмотря на то, что они написаны в 1963 г.

Не остались в стороне от юбилея Поэта и газеты ВМФ, выходящие на Камчатке. «Тихоокеанская вахта» заполнила одну из своих полос стихами, предоставленными комиссией по литературному наследию В. Науменкова. «Залп», в редакции которого он служил в 1962–1967 гг., подготовил статью «Судьба поэта»; её авторы сотрудницы Центральной библиотеки г. Вилючинска Р. Рагулина и О. Ковтун, в следующем, 1998-м, году совместно со своей коллегой Л. Филатовой выпустили указатель публикаций в газете «Залп» «Владимир Науменков: “Я живу на улице Гусарова...” Список литературы» из 67 названий.

«Вести» писали о состоявшемся 1 сентября в Камчатской областной научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова юбилейном вечере: «Присутствующие на вечере друзья Владимира Науменкова с горечью говорили, что ему не дали полностью реализовать себя. <...> Того, что он сделал, по словам одного из присутствующих, “вспахал и засеял своё поле”, с лихвой хватило бы и на более длинную жизнь. Лучше о поэте, чем его творения, никто не скажет. Поэтому слов было немного, звучали стихи. <...> Словно вернулся наш Владимир Науменков с ароматом грусти, “тоски по истине”, уводя за собой в только ему открытые бездны. И когда схлынет оцепенение, когда возвратишься из плена науменковской поэзии, останется что-то невысказанное, застрявшее комком в горле, трепетное, как его “птицы- зарницы”...»

Литературным вечером в областной библиотеке началась «науменковская неделя». 3 сентября мы организовали встречу со студентами истфака пединститута, 4-го числа побывали в гостях у старшеклассников городской СШ № 8, расположенной неподалёку от последнего места жительства Поэта. Мой рассказ о его судьбе и творчестве сопровождался стихами в исполнении актёра Камчатского театра драмы и комедии Владимира Грачёва.

7 сентября мы с литератором, чтецом высокого класса Юрием Перменко направились на его машине в п. Лахтажный к военным морякам. После моих воспоминаний о своих поездках сюда в середине 1960-х звучали стихи Науменкова о море и подводниках; в разговоре с организатором культурного досуга флотилии К. Мирзаевым, другими офицерами нами поднимался вопрос об увековечении памяти Поэта (присвоении его имени одной из улиц посёлка, установке мемориальной доски на матросском клубе или Доме офицеров).

22 апреля 1998 г. «Вести» опубликовали подготовленные мной материалы комиссии по литературному наследию «Здравствуй, северный край у морей...». С 1-й полосы (снимок Поэта и поэтические строки о Камчатке) они переходили на 4–5-ю и занимали их полностью. Здесь, естественно, было представлено творчество Науменкова, стихи о нём поэта Анатолия Санькова, а также литераторов Виктора Лихно, Валерия Давыдова и Игоря Рычкова, воспоминания Владимира Грачёва. Под псевдонимом Б. Галицкий я впервые рассказал о герое «Барьера времени», приложив фотографии его самого и дома на ул. Курильской, о котором идёт речь в этом, одном из лучших, стихотворений В. Науменкова. Еженедельная «Городская газета» № 12 за 23–30 апреля увеличила снимок «Вестей», где Поэт держит на руках малышку дочь, почти во всю страницу, поместив под ним неизвестное его стихотворение. Своё отношение к творчеству Владимира Науменкова выразил

в «Новой Камчатской правде» за 30 апреля 1998 г. Артур Белашов, директор галереи «Скрижали Камчатки», по заказу которой написал портрет Поэта известный художник Фёдор Дьяков. «Вести» 29 апреля, «Камчатское время» и «Городская газета» 30-го, а «Петропавловск» 8 мая 1998 г. поместили сообщение о вечере в центральной библиотеке Петропавловска, посвящённом памяти Науменкова.

1 сентября 1998 г. «Вести» отметили серией материалов в литературно-краеведческом приложении, которое редактировал Евгений Гропянов. Среди них были историко-политические стихи Науменкова «Площадь Революции», «К вопросу о Сталине и об “инженерах человеческих душ”», отрывок из поэмы «Обелиск Свободы» и воспоминания давней почитательницы Поэта Людмилы Афанасьевой «Я влюбилась в него». Все материалы комиссии шли под заголовком «ПОЭТ РОССИИ ВЛАДИМИР НАУМЕНКОВ». (Заголовок принадлежал Гропянову.)

5 сентября в «Петропавловске» появился очерк о Науменкове Александра Смышляева. В нём цитировалась Маргарита Белова: «Он очень любил людей из своей деревни, деревни, где жила его мать. Тосковал. Весной всегда вспоминал, как цветут сады. У нас ведь весна затяжная, холодная, и он тосковал по весне своей родины. Но всегда сравнивал белые гребешки морских волн с белой пеной яблоневых садов. Камчатку он очень любил. Но не парадную, как он говорил: “Я не люблю Камчатку Гиппенрейтера”, а любил Камчатку рабочую, рыбакскую, северную, суровую. Очень любил камчатское лето, когда солнышко светит и греет, когда можно выйти на природу. А вообще, он просто любил Россию, Отечество. Он считал русский народ, себя униженными и оскорблёнными. Так и говорил: “Мы униженные и оскорблённые”. <...> Он очень жалел русский народ».

О поэте-земляке напомнил курянам в «Толоке» – приложении к межрегиональной газете «Славянский дом» (апрельский № 16 за 1999 г.) Борис Агеев. Он напечатал большую подборку его стихов с моим предисловием. Касаясь раннего периода творчества Науменкова, я писал: «Творческого пика он достиг в середине 1960-х. Тогда в обществе наблюдался заметный духовный рост. И даже малокультурный мужик, не говоря уже об интеллигенте, не додумался бы ляпнуть – кому, мол, сейчас нужны стихи. Эти слова я услышал в конце 1990-х, готовя к печати материалы о Владимире Науменкове...»

23 апреля 1999 г. «Вести» посвятили Поэту разворот, т. е. две соседние страницы. Были впервые опубликованы ещё два стихотворения («Ну отчего бывает горячо...» и «Мне показалось, что на меня охотились»), снятые с магнитной ленты, интервью Б. Галицкого с Ф. Дьяковым, статья И. Рычкова «Поэт коренной Руси» и, наконец, мои размышления и сетования по поводу того, что для нашей комиссии остаются недосягаемыми рукописи, находящиеся там, где обитал в Петропавловский период творчества В. Науменков, – в квартире 52 дома № 23 по улице Давыдова. Я упомянул также о трудностях расшифровки плёнки, правда, каюсь, не указал, что случайно обнаружила её завалившаяся за стеллаж и передала нам Маргарита Ивановна. По прошествии времени... Сдаётся, ей просто не хотелось расставаться с Володиными бумагами...

1 сентября 1999 г. «Вести» опубликовали поэму «Боцман», стихи «Письмо» и начальный вариант «Северного привала». С этого стихотворения начиналась творческая жизнь В. Науменкова на севере Камчатки, в Олюторском районе, после ухода со службы. Позднее, в 1970-х, произошло недоразумение, которое трудно объяснить до сих пор: в одной из камчатских районных газет появились стихи, чрезвычайно похожие на науменковские, некоторые строчки были полностью его, другие в переработанном виде. Под этим стихотворением стояла фамилия местного стихотворца да и переназвал он его – «Воскресный бал». Наша с Науменковым версия: тот товарищ допился до того, что принял чужой (подаренный, скорее всего, но без авторства) текст за свой, он показался ему с недостатками, ну и стал исправлять их...

В конце 1999 г. вышла из печати хрестоматия для школ Камчатской области «Литература родного края». В. Науменков представлен в ней стихами: «Пускай уедем в край любой...», «Осенняя сказка», «Северный привал» (2-й вариант), «Наша встреча, как сумрак лесной...», «У этих каменных берёз», «Как прежде, цепь вулканов древних...», «Памяти отца». Краткий обзор творчества Поэта сделал секретарь комиссии по его литературному наследию.

...В 2000 г. в печати Камчатки появились новые воспоминания о В. Науменкове: Михаила Федоренко в «Городской газете» 20 апреля, Евгения Гропянова, Валентины Павловой и Нелли Беркаловой в «Вестях» 21-го. Предваряя очередную публикацию стихов Поэта, я рассказал о двух случаях, относящихся к поэмам «Земля над океаном», «Копьё и посох Пересвета». Из первой поэмы в сборник «У этих каменных берёз» вошёл лишь монолог британского адмирала. И получилось так, что самостоятельную жизнь вначале обрёл заголовок этой поэмы, предложенный

мною на конкурс названия областного литературного объединения и признанный лучшим. О том, что у Науменкова есть одноимённая поэма, почти никто не знал, в том числе руководитель лито, которого Владимир Иванович не воспринимал как стихотворца и не скрывал этого. Я выждал пару лет и то ли в 1982 г., то ли в 1983-м, точно не помню, но ещё до выхода книги «Птицы-зарницы» с поэмой «Земля над океаном», объявил на одном из заседаний литобъединения, откуда у него такое название. Немая сцена длилась минуту или две, потом ведущий, как ни в чём не бывало, заговорил совсем о другом. Менять название было поздно, да и «литовцы» могли сие истолковать в невыгодном для своего начальника свете. Давно нет литобъединения, однако высокопоэтичное науменковское словосочетание продолжает жить, то видоизменяясь, как в заглавии книги И. Витер и А. Смышляева («Город над океаном»), то вновь гордо возвышаясь, как утёс, в своей первозданной красоте – на обложке антологии камчатской литературы: «Земля над океаном»!

Поэма «Копьё и посох Пересвета» была создана в канун 600-летия Куликовской битвы. Любой газете только бы радоваться такой чести – стать первопечатницей талантливого произведения. Ан, нет! Два газетчика, причём отнюдь не рядовые, а из редакционного руководства, принялись убеждать Поэта... не отдавать поэму в печать. Их аргументы В. Науменков не приводил, да это и неважно.

Тогда, в конце 1970 – начале 1980-х гг., впервые после революции, часть советских писателей ощутила себя русскими и вступила в оборонительную схватку. Словесные бои под видом споров развернулись по всему культурному фронту. И приведённый выше случай не что иное, как маленький камчатский эпизод этой необъявленной войны, в ходе которой КПСС вновь показала, какие ценности ей ближе всего и чьи интересы она выражает. А то, что один из оппонентов В. Науменкова был офицером КГБ, лишний раз подтверждает, по какую сторону баррикад находилась данная организация. Но Поэт держался на своём, и осенью 1980 г. поэма всё же увидела свет в его «родной» газете.

Пятая годовщина кончины В. Науменкова отмечалась в «писательской светёлке». Поговорили о нём, выпили за упокой, а затем, не чувствуя никакой неловкости, начали провозглашать заздравные тосты (литератору П. исполнилось 50). Всё в конце концов свелось к традиционной в этом помещении пьянке.

1 сентября 2000 г. «Вести» напечатали мои воспоминания о Володе «Было всё время светло» вместе с его стихотворением «Да, грустно бывает, товарищ...». 7 сентября «Тихоокеанский вестник» опубликовал подборку ранних науменковских стихотворений. Два из них «В день рождения» и «Землякам» повторила 8 сентября газета «Пограничник Северо-Востока». Все эти стихи М. Белова предоставила редактору баталистов и маринистов Геннадию Струначёву-Отроку, который сделал к ним небольшое вступление. Год спустя он, по моей просьбе, подготовил для «Вестей» статью «Море и люди в стихах Владимира Науменкова».

Идея организовать Науменковские литературные чтения по аналогии с Поротовскими возникла у меня весной 2000-го, но провели мы их 27 сентября.

Было три основных доклада: Юлии Яланской «Жизнь и творчество поэта В. И. Науменкова», Галины Григорьевны Кравченко «Любовная лирика Владимира Науменкова» и мой «В. Науменков: гражданская поэзия». Литературоведческий разбор одного из стихотворений Поэта сделала студентка КГПИ Вера Шарафутдинова. С воспоминаниями о Науменкове выступили Евгений Гропянов, поэтесса Елена Калюжная, инженер Леонид Новосёлов. Стихи о Поэте читал литератор Геннадий Барков. Прозвучал также голос самого В. Науменкова, записанный мною в своё время на магнитную ленту.

Всю вторую половину 1990-х параллельно с подготовкой материалов для газетных публикаций я занимался комплектованием рукописи третьей, наиболее полной книги Поэта. Просмотрел областную и корякскую окружную печать с 1961 по 1994 г., коллективные поэтические сборники, извлекая оттуда малоизвестные, а то и совсем не известные широкому читателю стихи. Составил библиографическую картотеку. Приводил в соответствие с оригиналами то, что подвергалось редакторской правке или исправлялось в угоду редакторам самим автором, поставленным перед выбором: «либо-либо». Одни произведения восстанавливались при сличении их с рукописными текстами, другие – по памяти, поскольку за три десятка лет дружбы с В. Науменковым я их знал наизусть.

2001 г. оказался переломным в работе над составлением посмертной книги Поэта. М. Белова нашла адрес давнего друга мужа – поэта и прозаика, кандидата филологических наук Николая Зайцева. Он преподавал в Донецком университете. Я написал ему. В ответ Николай Иванович

прислал 33 стихотворения и 4 поэмы Науменкова, большинство из них входило в крамольную рукопись «Век отступлений», которую, по существу, выкрали у него особисты и которая послужила поводом к исключению из партии и изгнанию с Флота. Рукопись Поэту удалось вернуть, он показывал её мне в 1988–1989 гг. Куда она делась потом, неизвестно.

И вот такая удача! В. Науменков в далёкие 1960-е посыпал многие новые стихи Н. Зайцеву, как тогда говорили, «на зуб»; мнением друга-поэта он дорожил. И тот сохранил эти стихи, несмотря на их оппозиционность к партийно-бюрократическому режиму. Помимо произведений В. Науменкова, комиссия получила от Зайцева большой очерк «Жизнь Поэта», объём которого впечатлял не меньше, чем содержание: 82 страницы от руки!

Сообщение о том, что часть пропавших науменковских произведений нашлась, «Вести» подали как литературную сенсацию 20 января 2001 г., а 12-го числа напечатали воспоминания супруги Н. Зайцева Елизаветы Александровны «Две встречи с Владимиром Науменковым». Май 1963 г.: «Володя тогда был очень красивым, сильным, военная форма подчёркивала его красоту и стройность. Глаза у него всегда были живые, с искринкой, и чуть-чуть иронической улыбкой, когда он с чем-то не соглашался. А когда задавал вопрос, смотрел на тебя так внимательно-требовательно, будто очень боялся, чтобы не ушли от прямого и честного ответа, не солгали».

Лето 1982 г.: «Он приехал из своей Курской деревни, где провёл около двух месяцев возле больной матери. Сам приехал совершенно больной <...> Володя был уже совсем другим: вместо цветущего, полного планов, надежд, сил молодого офицера флота передо мной стоял уставший, замученный, иронически-саркастический человек. Видно было, что судьба не раз давила его, но не раздавила. <...> Он выстоял морально, идеино, но физически был уже тогда, в 1982 г., слаб. Какая-то непреходящая внутренняя боль, безысходность чувствовалась в глазах, в желтоватом от беспрерывного курения лице, в полном безразличии к пище. Глаза его загорались и светились только тогда, когда начинался разговор о поэзии, о литературе, о поэтах, которых он ценил. Снова были беседы за полночь, откровенные беседы обо всём. <...> Он, в отличие от многих поэтов, умел не только писать, но и прекрасно читал свои стихи. Меня потрясли в них всегда свежие, совершенно оригинальные, меткие метафоры, сравнения, идущие из самой гущи народной жизни. И если в нашу студенческую встречу он был в своих стихах больше публицистом и только начинающим, становящимся художником слова, то теперь это была подлинная поэзия, не утратившая патриотической остроты, но приобретшая автора-художника. Не случайно он говорил мне в свой последний приезд к нам, сколь близок ему по духу и творчеству Николай Рубцов. Володя, как и он, самобытен, точен, искренен, меток, правдив в своих стихах. Всё, чем он жил и горел в 25 лет, теперь отразилось, отложилось, высказалось в его поэзии. Над многими его строчками и сегодня можно размышлять часами, дивясь его наблюдательности, мужеству и смелости. <...> В нём соединились гражданское мужество, открытое неприятие ханжества и фальши, раболепия и лести и абсолютная незащищённость перед властью имущими во всех сферах нашей жизни. Внутренние страдания подорвали его физически, но не сломили его поэзию».

Первым делом мы опубликовали «Мавзолей Ленина», с которого, собственно, и началось преследование автора, затем другую поэму – «Лобное место», а 21 апреля в тех же «Вестях» под заголовком «НЕИЗВЕСТНЫЙ НАУМЕНКОВ» 9 историко-политических стихотворений. Всё – из архива Н. Зайцева, сокурсника Поэта по Ленинградскому высшему военно-морскому училищу им. М. В. Фрунзе.

19 апреля «Новая Камчатская правда» поместила «Синий лотос», а «Камчатское время» – посвящённое мне стихотворение 1966 г. «Городская газета» 26 апреля дала небольшую поэму «Тухачевский» времён разоблачения культа личности И. В. Сталина. В 2001 в Петропавловске была выпущена книга бывшего режиссёра местного ТЮЗа Е. Егорова о культуре Камчатки. В ней есть абзацы, рассказывающие о Науменкове. В день 64-летия Поэта «Вести» познакомили читателей с неопубликованными ранее гражданскими стихами ПОРУЧИКА ЭПОХИ (так называлась страница) «Мои знамёна», «Циники», «Плоскости», «Собратьям по перу»...

26 октября 2001 г. состоялись Вторые Науменковские литературные чтения. С докладами выступили доцент КГПУ Г. Г. Кравченко («Война в произведениях поэта»), Г. Я. Струначёв («Раннее творчество В. И. Науменкова»), литератор и журналист В. Н. Давыдов («Рубцов и Науменков»), библиограф Н. И. Курохтина. Заслуженный артист России В. Н. Грачёв читал стихи из сборника «Птицы-зарницы». В исполнении известного пианиста В. Кравченко прозвучали мелодии, созвучные творчеству Поэта. Участники чтений осмотрели книжную выставку, организованную работниками центральной городской библиотеки.

25 апреля 2002 г. «Вести» в последний раз отвели целую полосу творчеству Владимира Науменкова («Безотцовщина», «Мама, меня ударили и извинились...», «Сожители», «Зал, здравствуй!...», «А. Вознесенскому». Вообще-то планировался разворот, но в редакции произошёл пожар... Больше всего я переживал не за эти материалы (у меня имелись копии), а за фото лета 1970 г., на котором Науменков и Саньков, полагая, что оно утрачено безвозвратно.

Накануне 65-летия Поэта «Вести + ТВ» под рубрикой «Чтобы помнили» поместили воспоминания полиглota Виктора Новокрещёнова «Его будет знать вся Россия», два отрывка из неоконченной поэмы «Арена Свободы» и стихотворение «Одноплечий». В одном из отрывков («Голос арены Свободы», написано в марте–июле 1967 г.) говорилось:

Орлим!
Орлим!
Спартак, на Рим!
Спартак, на Рим!
Арена Рима ждёт рабов.
Рабов хоронят без гробов.
Но где мечи,
Но где мечи?
Есть тяжесть консульской парчи.
Вся перебита твоя рать –
Арена просит умирать!
Пусть будет Рим, мой раб
смиренный,
Распят на розовой Арене.
Закон борьбы неумолим –
Рабы, Рим!
Рабы, на Рим!

В «Одноплечем» автор пишет, вроде бы, о вожаке наарты – полуволке-полупсе, но с явным намёком на человека, даже отчасти на себя. Это позволило кому-то из сотрудников редакции дать общую «шапку» к юбилейным материалам «Рабы и полуволки» на чёрном фоне. Неужели действительно так оно и есть?

Только вряд ли. Русская поэзия опровергает это. Н. Зайцев в IV книге о пережитом «Посох Апостола» перечисляет пять уроков В. Науменкова. Первый: «правда поэзии, правда творчества совпадают с нравственным обликом поэта». Второй: «место поэта <...> впереди идущих по жизни». Третий: принять «жребий судьбы со стойкостью». Четвёртый: высоты культуры, искусства можно постигнуть в том числе и самообразованием. И пятый: ценить дружбу и взаимопонимание. Кстати, последнее я многие годы испытал на себе. Сколько бы ни было у нас споров, сколько бы ни разводили нас в разные стороны обстоятельства, ничто не поколебало нашей дружбы. Воистину – «нет уз святыне товарищества»!

28 августа 2002 г. «Рыбак Камчатки» поместил морские стихи Поэта, в том числе «Песенку об Аваче», «В порту», «Мой сейнер». Заголовок в этой газете показался мне более жизнерадостным: «Он был в опале... и писал прекрасные стихи».

В «Тихookeанскую вахту» тоже дал произведения Науменкова со вступлением, но на сей раз редакция поскупилась на газетную площадь, опубликовала только «Письмо» и «У голубого мола», а позднее вообще опростоволосилась, и я настоял на восстановлении справедливости: «ПОПРАВКА. В номере от 5.12.02 на 6 стр. были опубликованы стихи “Подводники с морями на плечах”, “Прощание”, автором которых является Владимир Иванович Науменков. В газете ошибочно указана другая фамилия. Редакция приносит свои извинения».

Зато «Вилючинская газета» отвела юбиляру полосу: стихи «Я живу на улице Гусарова...», «Прощание славянки», «Есть край земли у синего рассвета...»; статья О. Ковтун о творчестве Науменкова; присланные мне воспоминания о нём заведующей библиотекой матросского клуба Антонины Григорьевны Струтинской.

Третий Науменковские чтения проходили в два приёма: 25 и 27 сентября 2002 г. Цитирую свои дневниковые записи. «Первый день оставил благоприятное впечатление. Юлия Яланская проанализировала поэму “Копьё и посох Пересвета”. Выступали Ирина Витер, Валентина Могилевская, Надежда Курохтина. Студент КГПУ прочёл отрывок из “Лобного места”. Присутствовавший на чтениях заместитель градоначальника Шалеев подал идею об учреждении

премии по литературе им. Владимира Науменкова». Второй день чтений, 27 сентября, организаторы (сотрудники центральной городской библиотечной системы) обозначили: «Женские имена в камчатской поэзии», хотя нет ни камчатской, ни костромской, ни иной региональной поэзии, а есть просто поэзия, если это, конечно, не графоманство. «Под конец я не удержался и озвучил мнение Науменкова о сочинительницах стихов, в частности, об Ахмадулиной и некоторых других, не говоря уже о Дербиной, бросившей тень на всех поэтесс. Володя благоволил лишь к одной Вале Коркиной, которая (до его знакомства с Маргаритой Ивановной, подчеркнул я) ездила к нему в Лахтажный. Закрывая чтения, одна из устроительниц назвала моё выступление предвзятым».

31 августа 2002 г. и 23 апреля 2005 г. в камчатском эфире прозвучали радиопередачи журналистки Татьяны Бондаревой «Даруют нам очищенность моря...» и «Прощание славянки». Первая с участием Г. Г. Кравченко, Е. В. Гропянова, вторая в форме беседы с секретарём комиссии по литературному наследию. Кстати, как только на Камчатке был получен тираж науменковской книги «Вершина Вольности», меня попросили рассказать о ней на местном ТВ и радио, что я и сделал летом 2011 г.

27 ноября 2003 г. в Вилючинске состоялась военно-историческая конференция «Подводный флот и история города». Я выступил с докладом о Науменкове «Подводники с морями на плечах...» Одноимённое название, по моему совету, получил выпущенный в 2005 г. в Вилючинске в количестве 15 экземпляров сборник поэта в твёрдой обложке с моим предисловием. Сборник состоит, главным образом, из морских произведений Поэта. (Это издание, предназначеннное для ведомственных библиотек, не лишено корректорских упущений.)

В 2004 г. мне не повезло с очерком о Поэте в «Новой Камчатской правде». Газета опубликовала только две части (26 февраля и 4 марта) из трёх и... прекратила своё существование. 23 апреля «Вести» в рубрике «Камчатка. Век XX» напомнила, что крестьянский сын В. Науменков, крещёный во младенчестве и упокоившийся 9 лет назад на Пасху, постепенно изживал атеизм раннего периода творчества, о чём свидетельствуют поэма «Копьё и посох Пересвета» и стихи о Храме Христа Спасителя.

В 1999–2006 гг. я, как ведущий этой рубрики, регулярно рассказывал о событиях, так или иначе связанных с личностью Поэта. 11 ноября 2000 г. можно было прочесть: «1970 – Областное литобъединение разбирает рукопись Ю. Вавулина, где есть стихи о том, как его дед, лихой красный конник, в кавалерийском бою гражданской войны разрубал врагов надвое, “как яблоко”, до седла. Русский поэт Владимир Науменков дал отрицательную оценку рукописи этого литератора». А номер за 26 февраля 2005 г. отрекомендовал старого товарища Поэта: «1942 – Родился Борис Евгеньевич Савельев, неоднократный чемпион Петропавловска и области по тяжёлой атлетике, кандидат в мастера спорта. Выпускник СШ № 2 им. Л. Н. Толстого, он постоянно выступал на различных соревнованиях штангистов во 2-й половине 1960-х гг., как на Камчатке, так и за её пределами. Дом Савельева по ул. Фрунзе № 100 часто посещал поэт Владимир Науменков, литераторы и журналисты, оппозиционно настроенные к партийно-бюрократическому режиму».

30 июля 2004 г. «Вести» напечатали снятые с магнитной плёнки стихи «Роща Соловейня» и «Чистота цветов». 1 сентября та же газета информировала читателей о вступлении подготовки к печати новой книги Поэта в завершающую стадию. 29 октября 2004 г. в помещении Петропавловской центральной городской библиотеки прошёл вечер, посвящённый Владимиру Науменкову. Я говорил об афористичности его творчества, Г. Струначёв-Отрок касался маринистики, Г. Г. Кравченко остановилась на драматических эпизодах судьбы Поэта. Особо подчёркивался национальный характер поэзии Науменкова. В вечере приняли участие писатели, учёные, педагоги, студенты.

В ноябре того же года камчатская писательская организацияправляла своё 30-летие. С фотовитрины «Вестей» смотрели все до единого члены СП и среди них В. Науменков. Руководитель организации Евгений Гропянов объяснил это тем, что Поэт был принят в творческий союз вновь посмертно.

12 января 2005 г. я передал рукопись третьей книги В. Науменкова «Век отступлений» в издательство Камчатского печатного двора.

29 апреля 2005 г. «Вести» опубликовали очерк Анатолия Санькова «Могучий талант». Его завершающий абзац наводил на грустные размышления: «Слов нет, могуч и многообразен талант Науменкова, но и он не мог развиться в полную силу, несмотря на всю энергичность и целеустремлённость его натуры. Прожил Владимир Науменков 57 лет, по меркам поэтического возраста не так уж и мало, не будь постоянных препон на пути Поэта в лице недоброжелателей и завистников, зачастую облечённых властью, он бесспорно бы занял достойное – подобающее его дару – место

в литературной иерархии, ибо не так уж много имён и «за Уралом» могло посоревноваться с ним».

В 2007 г., на 70-летие В. Науменкова, «Новая книга – Камчатская литературная газета» дала большую подборку его стихов, «Рыбак Камчатки» отвёл науменковскому творчеству без малого страницу, озаглавив её «Ветра морей», «Тихоокеанская вахта» рассказывала о нём 30 августа и 6 сентября. В двух номерах «Старшего поколения» – приложения к газете «Политический барометр» – печатались мои размышления «Из зверя сделать человека» (именно так понимал назначение поэзии Науменков).

Вечер Науменкова 5 октября 2007 г. в Доме писателей («светёлка»), по-моему, не удался. Всё – экспромтом, всё – сумбурно. Было прочитано лишь 4 стихотворения. Дальше – выпивка. Одно хорошо: М. Федоренко передал мне некоторые бумаги Поэта.

В 2008 г. в Петропавловске вышел сборник «Три Брата», где была представлена поэзия трёх авторов. Открывался он стихами Владимира Науменкова. На презентации сборника в писательской «светёлке» 24 апреля 2009 г. много говорилось об основном авторе. Когда я прочёл стихотворение Науменкова «Наша встреча, как сумрак лесной...», М. Белова, сославшись на автора, заметила, что оно посвящено ей.

2010-м г. датирован альманах «Тобольск и вся Сибирь. Книга XII. Камчатка». Основой для помещённого там очерка «Два трагедии Владимира Науменкова» послужило моё выступление в г. Вилючинске на литературно-краеведческой конференции «Слово о поэте», состоявшейся 31 октября 2007 г. и посвящённой его 70-летию. Темы моих докладов на Крашенинниковских чтениях 2007, 2009 и 2010 гг.: «Искусство – прозрение», «Письма В. И. Науменкова как материал к биографии поэта», «По Науменковским местам Камчатки».

Рукопись Поэта, которую из «Века отступлений» я потом переименовал в «Вершину Вольности» (одноимённое стихотворение 1965 г.), пролежала без движения пять лет.

В 2009 г. президент Холдинговой компании «Новая книга» Станислав Петрович Кожан предложил издать книгу «вскладчину», т. е. я добываю половину суммы, он даёт вторую. Это показалось мне более реальным, чем выпускать сочинения В. Науменкова целиком на добровольные пожертвования, что мне предлагали литератор В. Давыдов и выпускница КГПИ С. Никитина. Поначалу в успех не верилось. Первой дала «деньги на Науменкова» Наталья Ивановна Яшнова, служившая в штабе Войск и Сил на Северо-Востоке России и помнившая Владимира по 1970–1980-м гг. С её лёгкой руки за год набралась необходимая сумма. Сдавали, в основном, те, кто хорошо знал Поэта, но были и просто почитатели его таланта. Охотно откликнулся на предложение комиссии Владимир Лим. Помогла, чем могла, сотрудница Музея боевой славы Галина Иннокентьевна Буймистрова. А бывшая машинистка «Камчатской правды» Валентина Новосёл незадолго до своей кончины отпросилась из больницы, чтобы тоже быть причастной к изданию «Вершины Вольности».

В разгар сбора пожертвований ушла из жизни М. И. Белова. Их с В. И. Науменковым дочь Ольга, прилетавшая на похороны, предала в комиссию по литературному наследию рукописи, рисунки, записные книжки, фотографии, документы и другое, принадлежащее Поэту. Благодаря этому в книге появилось аж два блока иллюстраций.

Однако издать всё собранное не удалось – главным образом, из-за лимита средств. Но имелись также иные причины. Не была найдена, как уже говорилось, пропавшая рукопись «Век отступлений»; её, предположительно, уничтожил автор. Обнаружены лишь мелкие фрагменты (черновики) незаконченной повести «Ватерлиния» о капитане рыболовного судна Откraeve.

Не вошла в книгу и часть поэтического наследия. Таких произведений 66, не считая самых ранних конца 1950-х гг. Я не включил из неизданного и неопубликованного ранее апологетическую поэму «Тухачевский» и антицерковную «Отречение» как компрометирующие автора. Приходилось учитывать слишком «красный» характер и в то же время невысокий художественный уровень некоторых политических стихов (Е. А. Зайцева отнесла их к публицистике) – таких, как «Василию Константиновичу Блюхеру», «Мои знамёна», «Мы думаем», «Говорят живые», «Собратьям по перу»... Я вообще не сторонник издания всего подряд, будь то даже давно признанный классик. Заведомо слабые произведения способны только навредить, если книга рассчитана не на узкий круг специалистов, а на широкого читателя. Должен (хотя бы мало-мальски!) соблюдаться тот уровень, который присущ наиболее удачным вещам. А их, на мой взгляд, у Науменкова большинство. Треть не вошедшего в «Вершину Вольности» – из прижизненных книг «У этих каменных берёз». Я отдавал приоритет лучшим известным произведениям и лучшим неизвестным. Вот мой основной критерий. Тут уж прошу мне поверить на слово: всё-таки, как бы я ни относился к Е. Евтушенко, сильные его стихи никогда не причислю к слабым. Повторюсь: меня ограничивал

оплачиваемый объём оригинал-макета. Думается, этот пробел восполнит московское издание, которое, по моим сведениям, предпринимает Валерий Николаевич Давыдов, получивший от меня многое, что оказалось «за бортом» третьей камчатской книги Науменкова. Как её редактор-составитель я выполнил свой долг перед ним – Братом по Искусству.

При жизни русский поэт Владимир Иванович Науменков достиг Вершины Вольности. С выходом настоящего издания это уже реальный факт. Ушли тучи и облака, рассеялся туман, и мы видим, что он – там, в сиянии солнца и снега.